

DOI: 10.17805/zpu.2024.1.2

Ценностный базис России и методы его разрушения в 1990-е годы*

А. В. КОСТИНА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В 1990-е гг. в России на фоне целой совокупности экономических проблем и резкого падения уровня жизни населения сознание россиян подверглось активному информационному влиянию, направленному на дискредитацию собственной истории и разделяемых всеми ценностей. Это информационное воздействие было столь интенсивно и имело столь системный характер, что можно было рассматривать этот процесс как необратимый и ожидать смены ценностных матриц в российском обществе. Однако социологические исследования ценностных систем в разных странах, которые были проведены в первые полтора-два десятилетия либеральных реформ, опровергают это утверждение. Если вспомнить плакаты, статьи, книги, комментарии, которые доминировали в то время, становится очевидной устойчивостью ценностей России, которые, несмотря на информационное давление, не только сохранились, но даже укрепились.

Ключевые слова: ценности; либеральные реформы; информационное воздействие; реклама

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня тесная взаимосвязь безопасности, целостности и единства страны с прочностью и устойчивостью ее ценностного базиса является очевидной. Осознание значимости вопроса о культурных различиях, связанных не столько с внешнеритуальными и бытовыми практиками, сколько с глубинными представлениями о собственном предназначении и целеполагании, переводит его из области теоретической в абсолютно практическую, непосредственно связанную с сегодняшней жизнью и задачами государства.

Сегодня уже достаточно аргументированно можно утверждать, что формирование на Украине образа врага в лице России началось с дискредитации некогда общей истории и общих ценностей (Плаксий, 2022). Активное неприятие российской системы ценностей и представлений, ненависть к русским, русской культуре и языку — все это стало основой официальной государственной политики на Украине со времени разрушения Советского Союза и получения ею независимости. В равной степени как подобная политика стала основой идеологии той войны, которую активно вела Украина против Донбасса, по крайней мере, с 2014 г.

Наиболее эффективным средством подобной информационной политики выступило образование. И это стало особенно ясным после начала СВО, когда были проанализированы украинские учебники, привезенные из освобожденных районов Донбасса. В таких учебниках по истории для начальных классов для демонстрации собственной цивилизованности сравнивается изображение полуразрушенной русской землянки и украинской красивой и богатой хаты. В учебниках для

* Статья подготовлена в рамках XIX Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века. Высшая школа России в условиях глобальных вызовов, рисков, угроз». Москва, Московский гуманитарный университет. 23–24 ноября 2023 года.

The paper was prepared within the 19th International Scientific Conference “Higher Education for the 21st Century. The Higher School of Russia under the Conditions of Global Challenges, Risks, and Threats”. Moscow, Moscow University for the Humanities, November 23–24, 2023.

старших классов как очевидные исторические факты преподносятся утверждения о 25 миллионах жертв голода 1932–1933 гг. и десятках миллионов жертв сталинского террора (Фальсификация ... , 2022: Электронный ресурс). В этих учебниках не учитывается иное мнение самих украинских ученых¹; не рассматриваются архивные документы²; не принимается в расчет сравнительный анализ материалов переписей населения 1926 и 1937 гг., свидетельствующих о сокращении сельского населения во всех районах СССР во время голода 1932–1933 гг.³; опускаются многие иные данные⁴. Безусловно, позиция сравнения, когда речь идет о жизнях людей, не является корректной, гибель каждого человека является невосполнимой утратой. И это была трагедия всей советской деревни. В данной статье об этом говорится только для того, чтобы показать, каким образом подобные установки разрушают сознание молодых людей, формируя в нем тот образ врага, который увидели в жителях Донбасса власти Украины, образ чужака, которого лишили права на существование. Это только один, чрезвычайно трагичный, пример, который использовали авторы учебников, исказив его фактическую сторону.

Точно такой же неправдой представлена история советской индустриализации, как сохранившей «колониальную структуру украинской экономики и поэтому Украина осталась колониальной территорией» (там же). Конечно, школьники не могут заметить очевидных вещей — таких, как появление именно в годы индустриализации на Украине ДнепроГЭСа, Запорожстали, Азовстали, Харьковского тракторного завода и многого другого, что превратило аграрный край в передовой центр производства.

Перечисление всех фактов, направленных на искажение истории, не является задачей данной статьи. Они нужны лишь для иллюстрации той колоссальной подрывной идеологической работы, которую, начиная с 1991 г., вело правительство Украины при активной поддержке Запада для формирования искаженного образа истории двух славянских народов, для демонтажа и дискредитации тех ценностных оснований, которые были присущи абсолютному большинству жителей этой некогда союзной республики.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: НАУКА, РЕКЛАМА, СМИ

Подобное наступление на сознание бывших граждан разрушенного Советского Союза шло в целом ряде бывших союзных республик. Точно так же, как оно шло в самой России. И сохранение традиционных для нашего народа ценностей свидетельствует об их глубокой укорененности в культурном коде. И эту укорененность не смогла разрушить полностью даже та информационная либеральная повестка, которая была особенно активной в 1990-е гг. Это была продуманная информационная работа, направленная на демонтаж ценностного ядра России. И эта работа была агрессивной, это была настоящая информационная война, сопровождаемая чередой идеологических диверсий, направленных на разрушение культурного кода россиян.

Идеологи либерализма исходили из того, что ценности россиян навязаны советским строем, а потому недолговечны. На первый взгляд казалось, что ценности, по крайней мере, в марксистской терминологии, — это «надстроечные» моменты, и с изменением типа хозяйства и метода планирования изменятся почти автоматически. И действительно, в 1990-х гг. столкновение этих ценностей произошло —

оно было и реальным: к примеру, на демонстрациях во время советских праздников, где люди отстаивали исповедуемый ими образ жизни и стоящие за ним ценности, и метафизическим: когда граждане одной страны разделились на два лагеря — западнический, либеральный, поддерживающий ценности глобальной американской культуры, и почвеннический, консервативный, воспринимающий приватизацию как грабительский акт.

Фактически это противостояние было определено различием, и даже более — противоположностью, а зачастую, и несовместимостью ценностей, которые принадлежали разным типам культуры — российской и западной. И одна и другая занимают достойное положение в истории, оказывая влияние на культуры разных народов и стран и мировой культуры в целом. Однако, основываясь на единых принципах технологической эволюции (что и стало основой теории конвергенции, позволяющей предположить возможность сближения социализма и капитализма), они были принципиально различными в своих идеологических основаниях, в том, что «сознательно взлелеяно» человеком ради высших ценностей (Риккерт, 1994: 43).

Подобные различия были естественными, так как взгляд на мир, который воплощается в представлениях и мировоззрении, полностью определяется историко-культурным контекстом, особенностями развития и взаимодействия с соседями, практиками выживания и преодоления внешних вызовов, вписанностью в природно-климатические условия и их использованием. Отсюда и различия разных культур и, соответственно, различия ценностей их народов. Они различны, как и условия, их породившие, что афористично выражает пословица «Где русскому — здорово, там немцу — шмерц» (от нем. «Schmerz» — страдание, боль) (Что русскому хорошо ... : Электронный ресурс).

И если «чувственные вещи», имеющие материальную природу, можно передавать и присваивать, то ценности — нет. Это положение доказательно представили неокантианцы, показав, что субстанциональность любой вещи как ее материальное, вещественное качество начинает обладать ценностным, «культурным» значением только тогда, когда эта вещь наделяется человеком особым смыслом, символическим значением, ценностью. И в разных культурах эти ценности и смыслы различны. Так, голубь в светской и религиозной христианской традиции может выступать в качестве и символа мира, и Святого Духа. Наделение вещи или явления особым символическим значением и есть наделение его особой ценностью.

Именно поэтому можно говорить о том, что ценностные миры опосредуются условиями, в которых они формируются, оказывая, в свою очередь, влияние на все общественные процессы. В этом своем качестве они представляют наиболее высокий уровень социальной регуляции, в котором «зафиксированы те критерии социально признанного (*данным обществом и социальной группой*), на основе которых разворачиваются более конкретные и специализированные системы нормативного контроля, соответствующие общественные институты и сами целенаправленные действия людей — как индивидуальные, так и коллективные» (Ценность: Электронный ресурс). В этом смысле мир можно рассматривать как в синхроническом аспекте — в качестве совокупности различных культур и цивилизаций, имеющих различные ценностные основания и существующих в одну эпоху, так и в диахроническом, где одни системы ценностей сменяются другими. Конечно, историческая опосредованность ценностей не абсолютна, именно поэтому одни системы ценностей полностью исчезают вместе с породившими их цивилизационными ми-

рами, другие сохраняют свою значимость для миров, приходящих им на смену. Так было с ценностями гуманизма, которые зародились в Античности и сохранили свое значение, правда, достаточно сильно переосмысленное, и в эпоху Ренессанса, и в Новое время. Аналогичным образом выстроилась преемственность между эстетическими представлениями Античности и Возрождения. В значительной степени это обусловлено определенной смысловой преемственностью между Античностью и новоевропейской культурой, что предполагает преемственность и аксиологическую.

Ценности тесно связаны с пространством культуры. Приобщая те или иные феномены к разряду обладающих ценностью, человек создает пространство культуры (Костина, 2016: 45–55). Разрушая их, человек разрушает и культуру. Что это означает? То, что материальная среда, экономика, технологии сохраняются, а духовный мир — социальные цели, представление о собственной истории и ее значимых событиях, ее героях, символах и значениях — разрушается. Казалось бы, что замещение ценностей, которые не обладают материальной природой, не является болезненным — главное, материальная основа общества остается. Вместе с тем именно ценности и культура выступают основой идеологии, в соответствии с которой выстраивается и экономика.

Так случилось и в России во время перестройки и в годы реформ 1990-х гг., когда специфика российского ценностного поля западными политтехнологами представлялась как отсталость, а несовпадение с западными ценностями — как ситуация, нуждающаяся в корректировке. При этом американские ценности представлялись в соответствии с ведущими положениями стратегий национальной безопасности США как универсальные, общечеловеческие. Подобное восприятие ценностей соответствует позициям позитивистского подхода, где ценности могут восприниматься как потребности. А потребности у человека как биологического существа фактически универсальны, и их отличия определяются только интересами человека.

Опасность такой позиции отечественные ученые определили еще в 1960-е гг., в пик гонки вооружений, когда, как могло показаться, что вопросы духовного мира имеют, по меньшей мере, второстепенное значение. Однако именно в это время — и это отнюдь не случайно — в СССР был сформирован целый пласт исследований по теории ценностей, принадлежащих В. П. Тугаринову, О. Г. Дробницкому, Л. Н. Столовичу, С. Ф. Анисимову, А. Г. Харчеву и другим ученым и философам (Анисимов, 1970; Дробницкий, 1967; Проблема ценности ... , 1966; Столович, 1972; Тугаринов, 1960; 1968; Ценности и оценки, 1972). Характерно, что в те же годы в Америке и Англии ценностная концепция интенсивно разрабатывается в работах Ф. Нортропа, Ч. Морриса, И. Р. Коуэлла, Ч. Фрайда, Р. Липли, К. Ситарамы, Р. Когделла (Fried, 1970; Morris, 1964; Northrop, 1957). Актуальность проблематики подтверждает издание в 1962 г. труда П. Сорокина «Социальная и культурная динамика» (Sorokin, 1962), основу которой, как показал автор, составляет система ценностей, а также череда публикаций, осмысливающих данную концепцию (Values and the Future ... , 1969; Cowell, 1970). Важно, что в обсуждение аксиологической проблематики включаются наряду с философами, социологами, антропологами также политики и экономисты — З. Бжезинский, Дж. К. Гэлбрейт, К. Боулдинг, учитывающие аксиологический аспект в теории постиндустриализма и осознающие, что перспективы мира в значительной степени зависят от избранных ценностей.

Хорошо осознавали тот факт, что никакая реформа не сможет достичь поставленных целей без ценностных трансформаций, и западные инициаторы реформ 1990-х гг., и те, кто был проводниками этой политики здесь, в России. Для изменения целеполагания и доминант, составляющих смысл бытия, в России была организована целенаправленная информационная работа, которая интенсивно осуществлялась и в коммерческом пространстве, и в сфере науки, и в образовании. Конечно, было бы ошибочным думать, что все авторы, осмысливающие традиционные ценности россиян в критическом ключе, осознанно стремились к разрушению этой аксиологической системы. Однако голос тех, кто обладал несомненным авторитетом в области экономики, политики или искусства, имел большое значение для общественного мнения и оказывал существенное влияние на коллективное сознание россиян.

Граждан пытались убедить в том, что страна уже отказалась от этих «неактуальных» установлений, и здесь «сложился достаточно массовый слой, который на собственном опыте пришел к либеральной версии самобытности России и к либеральной критике этой самобытности» (Клямкин, 2001: Электронный ресурс). Иными словами, пытались убедить в том, что ценностная система России под влиянием Запада существенно изменилась, что традиционные ценности россиян в новых экономических обстоятельствах являются неактуальными и даже обременительными.

Так, показывалось, что коллективизм, который выступает как стремление к участию в общем деле, может привести к полному подчинению лидеру и отказу от своих прав в его пользу, т. е. к авторитаризму, и стать инструментом контроля (Ясин, 2004: Электронный ресурс). Справедливость представлялась, как «уравнительность вследствие бедности» (там же), нестандартность мышления, изобретательность — как «следствие лени» (там же), нестяжательство — как «ценность непродуктивная», подрывающая «стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости» (там же), ограничивающая потребности и препятствующая процветанию. Самопожертвование рассматривалось не как способность принести свои интересы и даже отдать свою жизнь на благо общества, а как «покорность власти... долготерпение, которые позволяют ей не считаться с личностью, игнорировать или узурпировать ее права», как «ценность преимущественно традиционного общества... где жертвовать собой ради сеньора или барина — долг вассала или холопа» (там же). Либеральный политолог И. М. Клямкин доказывал, что формула «каждый за всех» — это формула перманентной войны, используемая для организации мирной жизни в «осажденной крепости» (Клямкин, 2003: 412), а все названные ценности органично укладываются в концепцию этатизма с его абсолютизацией роли государства в жизни общества.

В том же аспекте осмысливалась и трудовая этика. При этом ценности протестантизма, ставшие основой западной цивилизации, рассматривались как универсальные, рядом с которыми трудовая этика русского крестьянства была представлена либо как лень, неспособность к усердному труду, либо как штурмовщина. При этом такая необходимая для земледелия в среднерусской полосе способность к натиску не принималась в расчет. Напротив, это представлялось в качестве прямого следствия, как определяет этот процесс известный экономист Р. М. Нуреев, «сдачи — раздачи» (Нуреев, 2001: 15) или, по словам одного из идеологов реформ начала 1990-х гг. Е. Г. Ясина, существующей «иерархической системы распределения». Хотя сам Е. Г. Ясин в книге 2004 г. «Новая эпоха — старые тревоги: экономи-

ческая политика» приводит цитату В. О. Ключевского, в которой объясняется эта выработанная веками способность к интенсивному труду: «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним днем, что природа отпускает мало удобного времени для земледельческого труда... Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья» (Ключевский, 1956: 313–314). И такая характеристика полностью соотносилась с реальностью — О. И. Шкаратан и В. В. Карачаровский приводят данные обследования, сделанного в Центральной России по 25 губерниям в период между 1891 и 1915 гг., которые показали, «что “отношения” максимального и минимального урожая по годам составляли: в Самарской губернии — 7,3 раза, в Воронежской — 7,05, Казанской — 5,65, Симбирской — 6,2» (Шкаратан, Карачаровский, 2002: 22). В Европе же за тот же период колебания урожайности составляли «максимум 1,5–2 раза» (там же).

Однако Е. Г. Ясин трактует эти наблюдения по-своему и приходит к выводу о том, что подобная «лень, бездеятельность, неорганизованность — это качества раба, крепостного, холопа» (Ясин, 2004: Электронный ресурс), и истоки этих качеств — «в геополитических условиях и в социальном устройстве» (там же). В итоге автор делает вывод: «ценности традиционной русской культуры, в совокупности с сопутствующими отрицательными качествами, к которым она проявляет терпимость, непродуктивны применительно к современным условиям. Они отражают отношения и институты архаичного общества с иерархической структурой господства и власти, с аграрно-феодальной экономикой, когда природно-климатические условия и огромные просторы еще оказывали большое влияние и на развитие хозяйства, и на человеческие характеры» (там же).

В целом же русский характер рассматривался (в частности, в известной книге К. Касьяновой (Касьянова, 2003) как характер человека, который «упрям, не очень покладист, так как любит делать все своим способом и в свои сроки, однако делает работу тщательно, если его не подгоняют и не мешают; взрывоопасен. Но большей частью — спокоен и терпелив. Он, действительно, “некооперабилен” — с ним трудно согласоваться, поскольку у него свой план и темп, — но не асоциален» (цит. по: Миненко, 2012: 92). Так, достаточно негативно, характеризует русский характер в своей монографии 2003 г. К. О. Касьянова. В другой работе того же автора читаем: «...необычайно сильное подчеркивание в православии значения смирения есть, по всей видимости, культурная реакция на генотип» (цит. по: Боброва, 1995: Электронный ресурс). Неясным в данном контексте понятием «русский генотип» автор объясняет и важные вехи истории России, в том числе период завершения процесса объединения земель вокруг Москвы во время правления Василия III, когда к Москве были присоединены Псковское (1510 г.) и Рязанское (1521 г.) княжества, а в 1514 г. — Смоленск. Однако автор объясняет все эти этапы не как процесс укрепления Руси, а весьма специфическим образом: «Когда же языческие стихии возобладали над механизмом смирения и чувством вины, тогда возникали идеи параноического и маниакального типа вроде “Москвы — Третьего Рима”» (там же). Очень странно выглядят такие интенции автора, книгу которой в 1994 г. издал Институт национальной модели экономики (ИНМЭ). В информационной справке об этой организации, представленной в интернете, читаем: «Главный программный документ ИНМЭ определяет альтернативу развития России следующим

образом: "...Быть Третьим Римом или отстающим цехом всемирной фабрики?" и дает ответ — "Быть Третьим Римом — значит являться центром современной цивилизации!"» (Институт национальной модели ... : Электронный ресурс). Трудно не согласиться с такой постановкой вопроса и ответом на него. Однако позиция автора книги о русском характере явно не совпадает с точкой зрения издавшей эту книгу организации.

Сегодня многие исследования 1990–2000-х гг. смотрятся по меньшей мере странно. Среди таковых — работы Ю. Левады и Л. Гудкова, фактически сконструировавших образ «простого советского человека» как обладающего «негативной идентичностью», конформного и слепо подчиняющегося власти, не верящего в собственные силы, ленивого и не способного к планомерному движению к цели, но завистливому к успехам других, привычного к минимальному достатку и не желающему трудиться для достижения более прочного материального положения (Советский простой человек ... , 1993). Все эти качества выводились не просто из советского прошлого, а обосновывались всей историей развития русского народа с его патриархальностью, общинностью, спецификой религии, что доказывало, по мнению авторов, устойчивость этих черт как чуть ли не архетипических. Несмотря на тенденциозность этих положений, именно они составляли основу ведущего дискурса 1990-х гг., выстроенного вокруг русского национального характера. Этот дискурс должен был вызвать желание россиян отказаться от своих ценностей, от того, что составляло основу русского характера, и обратиться к западным приоритетам, где вместо коллективизма доминировали индивидуализм, достижительность и конкурентность, а трудовая этика выстраивалась вокруг протестантского принципа труда во имя накопления капитала.

В рамках такого же смыслового поля находились также сообщения СМИ, комментарии, литература. Один из самых известных романов того времени «Generation "П"» В. Пелевина (1999 г.) раскрывает этот мир «лихих 90-х» — времени становления молодых, полных надежд и романтических устремлений людей, которых привлекательный мир глянца, рекламы и СМИ лишил будущего, заменив его обладанием вещами и погружением в наркотические видения.

Еще более активной в плане воздействия на массовое сознание была реклама. Несмотря на то что в «девяностые» и «нулевые» большинство информационных сообщений выстраивалось в границах их коммерческой направленности, их влияние на ценностные представления оказывалось чрезвычайно высоким. И самой восприимчивой к этим трансформациям оказывалась молодежь как наиболее гибкая и обладающая пластичной идентичностью. Под влиянием потребительской инерции фраза А. П. Чехова «В человеке должно быть все прекрасно...» достраивалась так: «и обувь, и одежда, и автомобиль». Доминирование подобных идей в информационном пространстве приводило к деформации ценностных приоритетов, трансформации представлений человека о красоте, духовности и нравственности, которые были нормой для россиян. Становился привычным для слуха слоган сети ювелирных магазинов «Адомас»: «Любишь, докажи!». Направленность на разрушение ценностей патриотизма, дружбы и взаимовыручки демонстрировала даже реклама, отмеченная престижной премией «Каннские львы»⁵.

Несмотря на быструю реакцию Федеральной антимонопольной службы России, признававшей отдельные рекламные кампании незаконными в связи с их неэтичным характером, их содержание быстро распространялось, становясь цент-

ром скандалов, а их тексты превращались в мемы. Такой стала реклама школьных товаров накануне 1 сентября 2007 г. с провокативным слоганом «Кто не в Prada — тот лох!» (Чудовищная реклама ... : Электронный ресурс). На плакатах, которые появились в витринах ЦУМа и были адресованы младшим школьникам, использовался образ нахальной девочки, которая идет в школу модно одетой и излагает стратегию жизни: «Хочу быть богатой, знаменитой, ездить только на Bentley и одеваться только в ЦУМе!».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это влияние было масштабным, оно шло по всем направлениям, связанным с распространением информации. И 1990-е гг. многое изменили в психологии россиян и их приоритетах. Однако данные исследований Института социологии РАН свидетельствуют о том, что увлечение западными ценностями вскоре, в постперестроечный период, сменилось неприятием прозападной политики и «потерей интереса к либерально-демократическим ценностям западной цивилизации» (Войтенко, Соколов, Лубский, 2019: 76).

Эти данные подтверждаются и исследованиями 1990-х гг., и опросами 2015–2020-х гг. Так, в середине 1990-х гг. проводились исследования в рамках проектов WVS (World Values Survey, глобальная сеть социологов) под руководством директора организации Р. Ф. Инглхарта и GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness) под руководством Р. Хоуза, которые показали «высокий уровень индивидуализма в странах Запада и низкий уровень индивидуализма в России и странах восточной цивилизации, где преобладает коллективизм» (там же).

В начале XXI в. в России наблюдалось повышение доверия к «демократическим процедурам как очень важным для организации в обществе нормальной жизни, без которых не обойтись». Доля принимающих это утверждение как верное составляла в 2001 г. 51% (Российское общество ... , 2015: 138). Однако уровень этого доверия уже через десять лет упал до 44% (там же), а устойчивость традиционных ценностей и коллективизма была подтверждена исследованиями по методике Г. Хофстеде, проведенными аналитическим центром в Финляндии Hofstede Insights в России и других странах. Было выявлено, что в современных странах самый высокий уровень индивидуализма присущ США, Великобритании, Канаде (от 80 до 91 балла по шкале Хофстеде). К странам с коллективистской культурой относятся Китай, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Пакистан, Эквадор, Гватемала (ниже 21 балла). Россия находится на уровне 39 баллов (Individualistic Countries: Электронный ресурс), т. е. гораздо ближе по этой шкале к странам с коллективистскими установками. При этом, согласно отечественным исследованиям, доля тех россиян, которые полностью принимают и разделяют ценности либерализма и следуют индивидуалистической модели поведения, составляет всего 10% и даже менее (Лубский, Лубский, Войтенко, 2017: 232). Значимость же таких инструментальных ценностей, как «амбиции, развлечения, власть, престиж, индивидуальность, благополучие» (Барсукова, 2017: Электронный ресурс), существенно снизилась. В целом главной доминантой периода осмысления реформ «стало возвращение от западных увлечений периода становления демократии к “исконно российским” представлениям, нравственным устоям и образу жизни» (Горшков, 2016: 460).

Конечно, нельзя абсолютизировать процесс возврата к тем ценностям, которые доминировали в советское или даже в досоветское время, придавая им черты и свойства неких архетипов, которые усваиваются поколениями чуть ли не на генетическом уровне. Еще раз подчеркнем историко-культурную обусловленность ценностных систем, их тесную связь с общественным устройством. И было бы непродуктивным ожидание сохранения ценностной системы россиян в условиях парламентаризма, частной собственности, рыночных отношений, присущих новому государственному устройству, зафиксированному Конституцией России. Более того, сохранение в неизменности подобных ценностей могло бы стать тормозом развития страны на новом этапе ее развития. Соответственно, естественным является определенный «ценностный сдвиг россиян от социально ориентированных ценностей в сторону индивидуалистических», причем авторы отмечают, что такое смещение может объясняться в большой степени «сменой поколений, так как среди молодежи преобладают индивидуалистические ценности» (Магун, 2015: 74–94). Эти ценности присутствуют в инструментальной блоке, будучи направленными на формы поведения, способствующие достижению целей. Они соседствуют с такими ценностями, как «смелость» и «творческое начало» (Демидов, 2009: 94–95).

Между тем в терминальном блоке, определяющем ценности, связанные с самими жизненными целями, по-прежнему остаются традиционные ценности (Лапин, 2010). Согласно данным ВЦИОМ за 2020 г., первое место в этом ряду занимает семья (в аспекте отношений, здоровья, безопасности) — 89% выделили эту позицию в качестве ведущей. В то же время социальный статус, положение в обществе выбрали как основу миропонимания 20% опрошенных, карьеру — 12%.

Важным является вопрос, связанный с влиянием зарубежной культуры на российскую молодежь, 54% участников опроса показали, что такое влияние необходимо ограничивать, причем среди опрошенных только поколение двадцатилетних высказалось против такого ограничения. В целом же преобладающее большинство россиян (89%) считает, что «Россия сегодня должна жить по своим правилам, не оглядываясь на страны Запада» (Федоров: Электронный ресурс).

Подводя итоги, отметим следующее. Несмотря на активные социально-политические трансформации, а также мощное информационное воздействие на массовое сознание со стороны либеральных СМИ, базовые традиционные ценности жителей России сохранились. По-прежнему востребованными среди россиян, причем принадлежащих к разным народам и разным конфессиям, являются ценности жизни, семьи, служения Отечеству, коллективизма, милосердия и справедливости. И этот ценностный стержень создает основу национально-культурного единства всех граждан страны⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кульчицкий С. В. (доктор исторических наук, Институт истории НАНУ) в докладе «Социально-экономическая и национальная политика Кремля в 1929–1933 гг.» говорит о «гибели 3,5 млн человек» (Кульчицкий, 2008: Электронный ресурс).

² К примеру, Помесечные данные о рождаемости и смертности населения РСФСР, УССР и БССР за 1932, 1933, 1934 гг. (Помесечные данные ... : Электронный ресурс).

³ Так, В. В. Кондрашин (доктор исторических наук, профессор Пензенского университета) говорит о «пропорциональных размерах жертв голода в его эпицентрах, каковыми явля-

лись зерновые районы», и приводит следующие данные по сокращению населения в СССР в период голода 1932–1933 гг.: в Поволжье — на 23%, на Украине — на 20,5% (Кондрашин, 2008: Электронный ресурс).

⁴ Опускаются данные о том, что Украина «в 1933 г. получила 501 тыс. тонн зерна, что было в 7,5 раз больше, чем в 1932 году (65,6 тыс. тонн)» (Кондрашин, 2008: Электронный ресурс); о том, что «территория России, охваченная голодом 1932–1933 гг., намного превышала территорию голодных регионов союзных республик, вместе взятых. Соответственно и число пострадавших и умерших от голода в России было значительно выше (Зима, 2008: Электронный ресурс).

⁵ В частности, реклама пива Стелла Артуа, долгое время транслируемая по российскому телевидению. Ее содержание таково: во французскую деревушку возвращается с войны молодой солдат вместе со спасшим его товарищем. После радостной встречи отец предлагает сыну выпить Стелла Артуа, а другу сына предлагает бокал вина. Тот тоже просит Стелла Артуа. Последние кадры: в пивном кране идет пена: «Сожалю, но больше нет! Выпей вина!» В это время сын зажимает ногой пивной шланг. Слоган: «Стела Артуа. Уверенность дорогого стоит!» (Костина, 2012: Электронный ресурс).

⁶ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 05.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов, С. Ф. (1970) Ценности реальные и мнимые Критика христианского истолкования и использования ценностей жизни и культуры. М. : Мысль. 181 с.

Барсукова, С. А. (2017) Базовые общекультурные ценности россиян // Наука. Общество. Государство. №1 (17) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-obschekulturnye-tsennosti-rossiyan> (дата обращения: 05.01.2024).

Боброва, А. А. (1995) Касьянова К. О русском национальном характере. М. : Ин-т нац. модели экономики, 1994. 367 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия: Реферативный журнал. 1995. №3. С. 118–131.

Войтенко, В. П., Соколов, В. А., Лубский, Р. А. (2019) Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. №3 (90). С. 71–77.

Горшков, М. К. (2016) Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Новый хронограф. Т. 2. 490 с.

Демидов, А. М. (2009) Исследования компании GfK Rus // Маркетинг в России и за рубежом. №6. С. 94–95.

Дробницкий, О. Г. (1967) Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия. М. : Политиздат. 351 с.

Зима, В. Ф. (2008) Голод 1932–1933 гг. как интернациональная трагедия [Электронный ресурс] // Доклад на Международной конференции «Украина и Россия: история и образ истории» ; организаторы: Институт Европы РАН, Центр украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ, Институт славяноведения РАН. Сессия 4. Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? Стенограмма заседания. С. 42–43. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 05.01.2024).

Институт национальной модели экономики (ИНМЭ) [Электронный ресурс] // СЦИЛЛА. URL: <https://scilla.ru/works/org/inme.html> (дата обращения: 05.01.2024).

Касьянова, К. О. (2003) О русском национальном характере. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга. 560 с.

Ключевский, В. О. (1956) Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1956–1959. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. Т. 1 / подг. к печати и коммент. В. А. Александрова и А. А. Зимина. 427 с.

Клямкин, И. (2003) Русские идеи и современная цивилизация // Западники и националисты: возможен ли диалог? / ред. и сост. А. Трапкова. М. : Либеральная миссия : Объед. гуманитарное изд-во. 474.

Кондрашин, В. В. (2008) Голод 1932–1933 гг. в научных исследованиях и исторической публицистике [Электронный ресурс] // Украина и Россия: история и образ истории : Междунар. науч. конф. / Институт Европы РАН; Центр украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ; Институт славяноведения РАН. Сессия 4. Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? : стенограмма заседания. С. 7–8. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 05.01.2024).

Костина, А. В. (2012) Реклама как фактор формирования аксиологического пространства [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-faktor-formirovaniya-aksiologicheskogo-prostranstva> (дата обращения: 05.01.2024).

Костина, А. В. (2016) Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 45–55. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.3

Кульчицкий, С. В. (2008) Социально-экономическая и национальная политика Кремля в 1929–1933 гг. [Электронный ресурс] // Украина и Россия: история и образ истории : Междунар. науч. конф. / Институт Европы РАН; Центр украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ; Институт славяноведения РАН. Сессия 4. Голод 1932–1933 гг.: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? : стенограмма заседания. С. 23. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (дата обращения: 05.01.2024).

Лапин, Н. И. (2010) Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. №1. С. 28–36.

Лубский, А. В., Лубский, Р. А., Войтенко, В. П. (2017) Индивидуализм и модальные модели социального поведения в российском обществе // Гуманитарий Юга России. №3. С. 225–239.

Магун, В. (2015) Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. №3–4. С. 74–94.

Миненко, А. Г. (2012) Русский национальный характер: основные подходы к исследованию // Идеи и идеалы. №3. С. 86–97.

Нуреев, Р. (2001) Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. Социология. Этнология. №3. С. 3–65.

Плаксий, С. И. (2022) Украина от Руси до «анти-России». М. : Икар. 416 с.

Помесячные данные о рождаемости и смертности населения РСФСР, УССР и БССР за 1932, 1933, 1934 гг. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/18141> (дата обращения: 05.01.2024).

Проблема ценности в философии (1966) / под ред. А. Г. Харчева (гл. ред.) и др. М. ; Ленинград : Наука. [Ленингр. отд-ние]. 261 с.

Риккерт, Г. (1994) Природа и культура // Культурология. XX век: антология / сост. С. Я. Левит. М. : Юристъ. 703 с.

Российское общество и вызовы времени (2015). Книга 1 / М. К. Горшков и др. ; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. М. : Весь Мир. 336 с.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х (1993) / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Мировой океан. 300 с.

Столович, Л. Н. (1972) Природа эстетической ценности. М. : Политиздат. 271 с.

Тугаринов, В. П. (1960) О ценностях жизни и культуры. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та. 156 с.

Тугаринов, В. П. (1968) Теория ценностей в марксизме [Текст] / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та. 124 с.

Фальсификация исторических событий 1914–1945 годов в украинских школьных учебниках (2022) [Электронный ресурс] // Российская газета. 23 декабря. URL: <https://dzen.ru/a/Y6VpGW1aShVTwnv-> (дата обращения: 05.01.2024).

Федоров, В. Ценности современного российского общества [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/cennosti-sovremenno-go-gossiiskogo-obshchestva> (дата обращения: 05.01.2024).

Ценности и оценки (1972) / пер. и ред. В. Самохваловой ; ред. А. В. Соболев. М. : б. и.

Ценность (1983) [Электронный ресурс] // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия. URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/9056-ЦЕННОСТЬ> (дата обращения: 05.01.2024).

«Что русскому хорошо, то немцу смерть» — откуда появилась эта поговорка? [Электронный ресурс] // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/YKUh_OKL0AB1POtF (дата обращения: 05.01.2024).

Чудовищная реклама вещизма [Электронный ресурс] // Русская линия. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=173479> (дата обращения: 05.01.2024).

Шкаратан, О. И., Карачаровский, В. В. (2002) Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. №1. С. 3–56.

Ясин, Е. (2004) Новая эпоха — старые тревоги: экономическая политика. М. : Либеральная миссия : Новое изд-во. 452 с.

Cowell, E. R. (1970) Values in Human Society. The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology. Boston. 480 p.

Fried, Ch. (1970) An Anatomy of Values: Problems of Personal and Social Choice. Cambridge-Mass. 265 p.

Individualistic Countries 2024 [Электронный ресурс] URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/individualistic-countries> (дата обращения: 05.01.2024).

Morris, Ch. (1964) Signification and Significance: A Study of the Relations of Signs and Values. Cambridge. 112 p.

Northrop, F.S.C. (1952) The Question of Values.

Sorokin P. (1962) Social and Cultural Dynamics. Vol. 1–2. N.Y. 2912 p.

The Language of Values (1957) / ed. by R. Lepley. N.Y. : Westport, Connecticut, Greenwood Press. 428 p.

Values and the Future: The impact of technological change on American values (1969) / ed. by K. Bajer, N. Rescher. N.Y. — L: Free Press. 527 p.

Дата поступления: 07.01.2024 г.

RUSSIA'S VALUE BASE AND THE METHODS OF ITS DESTRUCTION

IN THE 1990S

A. V. KOSTINA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

In 1990s Russia, against the background of a whole set of economic problems and a dramatic fall of the living standards of the population, the consciousness of Russian people was under active informational influence aimed at discrediting their own history and commonly shared values. This informational impact was so intense and had such a systemic nature that the process could be considered as irreversible, and a change in the matrices in Russian society could be expected. However, sociological studies into value systems in different countries, which were conducted in the first one and a half or two years of the decade of liberal reforms, prove this statement wrong. If we recall the placards, articles, books, and comments that were dominating then, the sustainability of Russian values becomes evident; they not only survived, but also strengthened in spite of the informational pressure.

Keywords: values; liberal reforms; informational influence; advertising

REFERENCES

- Anisimov, S. F. (1970) *Tsennosti real'nye i mnimye Kritika khristsianskogo istolkovaniia i ispol'zovaniia tsennostei zhizni i kul'tury*. Moscow, Mysl'. 181 p. (In Russ.).
- Barsukova, S. A. (2017) Bazovye obshchekul'turnye tsennosti rossiian. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, no. 1 (17) [online] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-obshchekulturnye-tsennosti-rossiian> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
- Bobrova, L. A. (1995) Kas'ianova K. O russkom natsional'nom kharaktere. M. : In-t nats. modeli ekonomiki, 1994. 367 p. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 3: Filosofii: Referativnyi zhurnal*, no. 3, pp. 118–131. (In Russ.).
- Voitenko, V. P., Sokolov, V. A. and Lubskii, R. A. (2019) Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoi refleksii. *Filosofii prava*, no. 3 (90), pp. 71–77. (In Russ.).
- Gorshkov, M. K. (2016) *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* : in 2 vols. 2-e ed., revised and expanded. Moscow, Novyi khronograf. Vol. 2. 490 p. (In Russ.).
- Demidov, A. M. (2009) Issledovaniia kompanii GfK Rus, *Marketing v Rossii i za rubezhom*, no. 6, pp. 94–95. (In Russ.).
- Drobnitskii, O. G. (1967) *Mir ozhibshikh predmetov: Problema tsennosti i marksistskaia filosofii*. Moscow, Politizdat. 351 p. (In Russ.).
- Zima, V. F. (2008) Golod 1932–1933 gg. kak internatsional'naia tragediia. *Doklad na Mezhdunarodnoi konferentsii «Ukraina i Rossiia: istoriia i obraz istorii» ; organizatory: Institut Evropy RAN, Tsentri ukrainistiki i belorusistiki istoricheskogo fakul'teta MGU, Institut slavianovedeniia RAN. Sessii 4. Golod 1932–1933 gg.: «genotsid ukrainskogo naroda» ili obshchaia tragediia narodov SSSR? Stenogramma zasedaniia*. Pp. 42–43 [online] Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
- Institut natsional'noi modeli ekonomiki (INME). *STsILLA* [online] Available at: <https://scilla.ru/works/org/inme.html> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
- Kas'ianova, K. O. (2003) *O russkom natsional'nom kharaktere*. Moscow, Akademicheskii proekt ; Ekaterinburg : Delovaia kniga. 560 p. (In Russ.).
- Kliuchevskii, V. O. (1956) Essays : in 8 vols. Moscow, Gospolitizdat, 1956–1959. Vol. 1: Kurs russkoi istorii. Part 1 / prep. for printing and comm. by V. A. Aleksandrov and A. A. Zimin. 427 p. (In Russ.).
- Kliamkin, I. (2003) Russkie idei i sovremennaia tsivilizatsiia. In: *Zapadniki i natsionalisty: vozmozhnyi dialog?* / comp. and ed. by A. Trapkov. Moscow, Liberal'naia missiia : Ob'ed. gumanitarnoe izd-vo. 474 p. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2008) Golod 1932–1933 gg. v nauchnykh issledovaniakh i istoricheskoi publitsistike. In: *Ukraina i Rossiia: istoriia i obraz istorii : Mezhdunar. nauch. konf. / Institut Evropy RAN; Tsentri ukrainistiki i belorusistiki istoricheskogo fakul'teta MGU; Institut slavianovedeniia RAN. Sessii 4. Golod 1932–1933 gg.: «genotsid ukrainskogo naroda» ili obshchaia tragediia narodov SSSR? : stenogramma zasedaniia*. Pp. 7–8 [online] Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2012) Reklama kak faktor formirovaniia aksiologicheskogo prostranstva. *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 1 [online] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-kak-faktor-formirovaniia-aksiologicheskogo-prostranstva> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
- Kostina, A. V. (2016) Obshchestvo potrebleniia i tsennosti rossiiskoi tsivilizatsii. *Znanie. Poni-manie. Umenie*, no. 4, pp. 45–55. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.3 (In Russ.).
- Kul'chitskii, S. V. (2008) Sotsial'no-ekonomicheskaiia i natsional'naia politika Kremliia v 1929–1933 gg. In: *Ukraina i Rossiia: istoriia i obraz istorii : Mezhdunar. nauch. konf. / Institut Evropy RAN; Tsentri ukrainistiki i belorusistiki istoricheskogo fakul'teta MGU; Institut slavianovedeniia RAN. Sessii 4. Golod 1932–1933 gg.: «genotsid ukrainskogo naroda» ili obshchaia tragediia narodov SSSR? : stenogramma zasedaniia*. Pp. 23 [online] Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/obrukr-golod.htm> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

Lapin, N. I. (2010) Funktsional'no-orientiruiushchie klasteri bazovykh tsennostei naseleniia Rossii i ee regionov. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 28–36. (In Russ.).

Lubskii, A. V., Lubskii, R. A. and Voitenko, V. P. (2017) Individualizm i modal'nye modeli sotsial'nogo povedeniia v rossiiskom obshchestve. *Gumanitarii Iuga Rossii*, no. 3, pp. 225–239. (In Russ.).

Magun, V. (2015) Evropeiskaia tsennostnaia tipologiia i bazovye tsennosti rossiian. *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, no. 3–4, pp. 74–94. (In Russ.).

Minenko, A. G. (2012) Russkii natsional'nyi kharakter: osnovnye podkhody k issledovaniiu. *Idei i ideally*, no. 3, pp. 86–97. (In Russ.).

Nureev, R. (2001) Sotsial'nye sub'ekty postsovetsoi Rossii: istoriia i sovremennost'. *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia*, no. 3, pp. 3–65. (In Russ.).

Plaksii, S. I. (2022) *Ukraina ot Rusi do «anti-Rossii»*. Moscow, Ikar. 416 p. (In Russ.).

Pomesiachnye dannye o rozhdaemosti i smertnosti naseleniia RSFSR, USSR i BSSR za 1932, 1933, 1934 gg. *Istoricheskie materialy* [online] Available at: <https://istmat.org/node/18141> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

Problema tsennosti v filosofii (1966) / ed. by A. G. Kharchev et al. Moscow; Leningrad, Nauka. 261 p. (In Russ.).

Rikkert, G. (1994) Priroda i kul'tura. In: *Kul'turologiia. XX vek: antologiia* / comp. by S. Ia. Levit. Moscow, Iurist». 703 p. (In Russ.).

Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni (2015). Book 1 / M. K. Gorshkov et al. ; ed. by M. K. Gorshkov and V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir. 336 p. (In Russ.).

Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh. (1993) / ed. by Iu. A. Levada. Moscow, Mirovoi okean. 300 p. (In Russ.).

Stolovich, L. N. (1972) *Priroda esteticheskoi tsennosti*. Moscow, Politizdat. 271 p. (In Russ.).

Tugarinov, V. P. (1960) *O tsennostiakh zhizni i kul'tury*. Leningrad, Leningrad Univ. 156 p. (In Russ.).

Tugarinov, V. P. (1968) *Teoriia tsennostei v marksizme*. Leningrad, Leningrad Univ. 124 p. (In Russ.).

Fal'sifikatsiia istoricheskikh sobytii 1914–1945 godov v ukrainiskikh shkol'nykh uchebnikakh (2022) *Rossiiskaia gazeta*. 23 dekabria [online] Available at: <https://dzen.ru/a/Y6VpGWiaShVTwnv-> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

Fedorov, V. Tsennosti sovremenno rossiiskogo obshchestva. *VTsIOM* [online] Available at: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/cennosti-sovremenno-rossiiskogo-obshchestva> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

Tsennosti i otsenki (1972) / transl. and ed. by V. Samokhvalova ; ed. by A. V. Sobolev. Moscow, b. i. (In Russ.).

Tsennost' (1983) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* / ed. by L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev and V. G. Panov. Moscow. Sovetskaia entsiklopediia [online] Available at: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/9056-TsENNOST'> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

«Chto russkomu khorosho, to nemtsu smert'» — otkuda poiavilas' eta pogovorka? *Dzen* [online] Available at: https://dzen.ru/a/YKUu_OKL0AB1POTf (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

Chudovishchnaia reklama veshchizma. *Russkaia liniia* [online] Available at: <https://rusk.ru/st.php?idar=173479> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).

Shkaratan, O. I. and Karacharovskii, V. V. (2002) Russkaia trudovaia i upravlencheskaia kul'tura. Opyt issledovaniia v kontekste perspektiv ekonomicheskogo razvitiia. *Mir Rossii*, no. 1, pp. 3–56. (In Russ.).

Iasin, E. (2004) *Novaia epokha — starye trevogi: ekonomicheskaja politika*. Moscow, Liberal'naia missiia : Novoe izd-vo. 452 p.

Cowell, E. R. (1970) *Values in Human Society. The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology*. Boston. 480 p.

Fried, Ch. (1970) *An Anatomy of Values: Problems of Personal and Social Choice*. Cambridge-Mass. 265 p.

Individualistic Countries 2024 [online] Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/individualistic-countries> (accessed: 05.01.2024).

Morris, Ch. (1964) *Signification and Significance: A Study of the Relations of Signs and Values*. Cambridge. 112 p.

Northrop, F.S.C. (1952) *The Question of Values*.

Sorokin P. (1962) *Social and Cultural Dynamics*. Vol. 1–2. N. Y. 2912 p.

The Language of Values (1957) / ed. by R. Lepley. N.Y. : Westport, Connecticut, Greenwood Press. 428 p.

Values and the Future: The impact of technological change on American values (1969) / ed. by K. Bajer, N. Rescher. N.Y. — L: Free Press. 527 p.

Submission date: 07.01.2024.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2024.1.3

Проблемы и перспективы сохранения традиционных ценностей семьи и брака в современной России

Э. В. НИКИТИНА

ЧЕБОКСАРСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КООПЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы поддержки и распространения традиционных российских ценностей, связанных с семейно-брачными отношениями. Опираясь на Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, автор утверждает, что рыночная модель современности в виде безбрачного, бессемейного, бездетного общества, члены которого не связаны вековыми традициями и нормами, представляет опасность для России. Отмечается разная степень сохранности традиционных установок и правил семейной жизни у народов современной России, что связано со степенью выраженности их этничности и религиозности. По демографическим показателям сравниваются такие регионы Приволжского федерального округа, как Чувашская Республика и соседние с ней Республика Татарстан, Республика Марий Эл и Нижегородская область. Анализируются национальные литературно-фольклорные тексты: русский «Домострой», книга татарского богослова Риззэтдина Фахретдина «Благонравная жена», сборник «Чувашские благословения и молитвословия» и фрагменты марийских семейных молитв, зафиксированных в научных